

УДК 82.09-3

DOI: 10.26456/vtfilol/2022.1.214

ЖИТИЙНЫЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЯЧЕСЛАВА ШИШКОВА

А. С. Ефремов

Тверской государственной университет, г. Тверь

Историзм мышления русского писателя первой половины XX века Вячеслава Яковлевича Шишкова проявляется не только в обращении к прошлому своего народа, но и в использовании мотивов и тем, характерных для древнерусской книжности. В статье проводятся параллели между агиографическим жанром и его наследием в творчестве писателя. Акцент сделан на житиях, созданных на тверской земле – родине В.Я. Шишкова. Сопоставительный анализ показывает, что в произведениях Шишкова сохранены многие особенности изображения мира и человека, противостояния добра и зла, свойственные житиям. Особенно ярко проявляются такие мотивы, как сохранение души, Божьего суда, соборности, отношения к смерти. Делается вывод, что, не следуя буквально сюжетам, стилистике, жанровым канонам, свойственным средневековой литературе, В.Я. Шишков решал те же самые проблемы, изображал те же самые характеры, выражал схожие мысли и чувства. Это свидетельствует о преемственности развития русской литературы и в то же время показывает, что внутренний мир человека, менталитет нации, и прежде всего в вопросах, связанных с православной верой, остаются неизменными на протяжении веков.

Ключевые слова: Вячеслав Шишков, тверская литература, агиографический жанр, традиции, христианские мотивы.

Обращение к истории, к прошлому своего народа – характерная черта творчества Вячеслава Яковлевича Шишкова. Прошлому России, далёкому и недавнему, посвящены самые значительные его произведения – историческое повествование «Емельян Пугачёв» и роман «Угрюм-река». Можно утверждать, что историзм, объективный взгляд на явления действительности, умение видеть в настоящем минувшее является основой мировоззрения писателя.

Историзм мышления Шишкова сказался не только в его обращении к известным фактам, личностям, событиям и другим параллелям между «днем нынешним и днем минувшим», но и – на более глубоком уровне – к системе жанров, которая была разработана и существовала в тот исторический период, когда вся русская литература была религиозно

© Ефремов А. С., 2022

ориентирована. В творческом наследии Шишкова явно обнаруживаются следы таких традиционных для древнерусской книжности жанров, как хождения, легенды, притчи, жития, повести, в том числе сатирические. Неразрывное единство с письменными источниками составляют произведения устного народного творчества – сказки, песни, былины, народная драматургия и т. п. На интерес писателя к сказаниям прошлого указывает современный исследователь творчества Шишкова профессор В. А. Редькин. В частности, он отмечает, что «с детства на В. Шишкова произвела впечатление древнерусская повесть о Соломонии, которую он не раз слышал в устном переложении» [8, с. 45]. Зная дотошность, основательность писателя, его требовательность к точности любого исторического факта, к правдоподобию каждой детали, можно предположить, что то, что с детства отложилось в его памяти, что было воспринято даже на бессознательном уровне, будет отражено в его произведениях: если не в явном виде, то как подтекст, аллюзия, ассоциация. Сам образ мыслей, подход к изображению явлений действительности, когда сквозь временное просвечивает Вечность, когда всюду Бог и идет непримиримая борьба сил Света с силами тьмы, сближают Вячеслава Шишкова с древнерусскими книжниками, создателями летописей, житий и хождений.

Следует также отметить, что эпоха, в которую формировались литературные пристрастия Шишкова, располагала к общению с древнерусской письменностью: «Весь XIX век, в связи с общим подъемом культуры, характерен постоянно растущим интересом к древним письменным памятникам» [7, с. 6]. Житийные традиции присутствуют в таких произведениях, как «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, «Отец Сергей» Л. Н. Толстого, «Соборяне» Н. С. Лескова, «Жизнь Василия Фивейского» Л. Н. Андреева, «Преподобный Сергей Радонежский» Б. Зайцева, «Матфей Прозорливый» и «Святой Евстафий» И. А. Бунина и многих других. Подобно им, Шишков воспринял не только и не столько сюжетную, повествовательную сторону агиографического жанра, а духовную, нравственную суть жизнеописаний православных подвижников. Многие герои произведений Вячеслава Шишкова хотя и не называются святыми, однако несут в себе громадный запас любви к миру и окружающим, их помыслы светлы, а поступки добродетельны. Именно такие люди для Шишкова являются идеалом, таких героев писатель изображает в своих произведениях.

Богатейшую сокровищницу литературных памятников оставили тверские книжники, и Вячеслав Шишков, как художник, проявлявший неподдельный интерес как к истории, так и к ее духовной составляющей, выросший на тверской земле, не мог оставить без внимания этот великолепный источник знаний о своих предках, о прошлом родимых мест. Рожденный на тверской земле и воспитанный в патриархальной семье в окружении глубоко верующих родных и близких, в детстве певший в церковном

хоре, игравший в игры на церковные темы и даже намеревавшийся стать монахом, Шишков не мог не знать тех преданий и рассказов о жизни святых подвижников, заповедных местах, чудесах и явлениях, которые рассказывались в его присутствии. И сам Бежецкий Верх, и его окрестности были прославлены многими святыми угодниками русской православной церкви. В Бежецке почитали преподобного Нектария Бежецкого, в близлежащих Кашине – святую благоверную Анну Кашинскую, в Калязине – святого преподобного Макария Калязинского. Их духовным подвигам посвящены жития, содержание которых было хорошо известно местным жителям и по устной традиции, и по церковному календарю.

Игравшее одну из ведущих ролей в становлении Древнерусского государства, Тверское княжество было не только важным политическим центром средневековья, но и обладало значительным культурным потенциалом, здесь были созданы многие замечательные произведения древнерусского искусства, в том числе словесного. Большинство из них написаны в традиционной для того периода развития книжной культуры стилистике, с соблюдением литературного этикета – наиболее типичной средневековой условно-нормативной связи содержания с формой [5, с. 96]. В то же время, исследователи делают вывод о самобытности некоторых книжных памятников средневековой Твери, об отклонении их от существовавших тогда образцов. Оригинальностью отличаются такие произведения, как «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Повесть о Михаиле Ярославиче Тверском», «Повесть о Тверском Отроче монастыре». Эти наиболее значительные произведения, не нарушая полностью традиционных канонов, расширяли границы жанров, вносили новое в устойчивые стилевые стандарты. Рассматривая «Повесть о Тверском Отроче монастыре», Д.С. Лихачёв пишет: «Замечательную особенность повести составляет то, что она не строится на обычном для средневековых сюжетов конфликте добра со злом. В „Повести о Тверском Отроче монастыре“ нет ни злых персонажей, ни злого начала вообще» [4, с. 288]. Исследователь памятников литературы Древней Твери В.З. Исаков указывает на особенности «Повести о Михаиле Ярославиче Тверском»: «В отличие от многих произведений русской средневековой литературы, главный герой которых князь-полководец, защитник родной земли, повести о тверских князьях – менее всего повести о войне, подвигах и победах. Это не воинские повести, какие традиционно писали о князьях. <...> ...в центре повестей о тверских князьях – и в этом отличительная особенность древней тверской литературы – не воинские, а нравственные, христианские проблемы и подвиги» [7, с. 12].

Отличительные черты этих произведений можно обнаружить в творчестве Вячеслава Шишкова.

Повышенное внимание Вячеслава Шишкова к духовной, православной стороне русской жизни, о чем пишут многие современные ис-

следователи творчества писателя, несомненно, свидетельствует о его хорошем знании не только канонических священных текстов (например, в романе «Ватага» цитируется «Вторая книга царств» – ветхозаветная часть Библии, далеко не самая известная среди других библейских текстов). Нет сомнений, что Шишкова интересовали и памятники литературы Древней Руси, религиозные по своему содержанию, повествующие о духовных подвигах, о борьбе света и тьмы, о высших христианских ценностях. Наиболее распространёнными среди этих памятников были жития – «один из основных эпических жанров церковной словесности, расцвет которого пришелся на средние века» [3, стб. 267]. Как отмечает С. Ю. Николаева, «житие занимало важное, если не центральное, место в системе жанров древнерусской литературы, оно содержало наиболее отчетливо выраженную средневековую концепцию человека и тем самым „провоцировало“ писателей позднейших эпох к диалогическому переосмыслению агиографических сюжетов, мотивов и образов» [6, с. 14]. Такое «диалогическое переосмысление агиографических сюжетов, мотивов и образов» наблюдается и в творчестве Вячеслава Шишкова. Писателя привлекают те же вечные вопросы бытия, что и авторов житий, причем, как это принято в житиях, Шишков активно использует, открыто или имплицитно, библейские тексты: «Опираясь на Священное Писание, житие обычно ставит и с христианских позиций отвечает на центральные вопросы человеческого бытия: что предопределяет судьбу человека? Насколько он волен в своем выборе? В чем сокровенный смысл страдания? Как должно относиться к страданию?» [3, стб. 268].

Одним из источников, откуда Шишков мог почерпнуть знания о православном прошлом русского народа, являются жития тверских святых. Тверская земля исстари знаменита многими святыми подвижниками, чьи христианские подвиги известны далеко за ее пределами. Они отражены в таких произведениях, как «Житие Арсения Тверского», «Житие Макария Калязинского», «Житие Нила Столобенского», «Житие Ефрема Новоторжского», «Житие Анны Кашинской». Жития этих тверских святых прочно вошли в сокровищницу Русской православной церкви, а современный писатель может почерпнуть в них немало поучительного.

Жития имеют вневременной характер, в них говорится о вечных, непреходящих ценностях, актуальных и в современном мире. Таково, например, «Житие святого отца нашего Арсения, епископа Тверского». «Он помышлял и заботился лишь о том, чтобы угодить Богу и спасти свою душу» [2, с. 49]. Тема человеческой души, ее гибели или спасения, прослеживается во многих произведениях Вячеслава Шишкова.

По христианской вере, душа дается человеку при рождении свыше, и главная задача христианина – сберечь свою душу, поскольку она, в отличие от материального, физического тела, бессмертна, и именно она

предстанет перед последним, Страшным судом. Об этом размышляет святой Арсений: «Знаю, что и мне некогда предстоит явиться на страшное судилище Христово, – какой ответ я дам тогда нелюбимому Судье?» [там же, с. 50]. Мотив Божьего суда, мотив наказания за грехи – сквозной в творчестве Вячеслава Шишкова. Уже в первом его крупном произведении, повести «Тайга», суеверные жители Кедровки видят в грозе божью кару: «...многим казалось, что кто-то хочет отомстить им за смерть Лехмана. Ежели он праведен есть человек – Бог за него не помилует; ежели грешен – быть худу: накличет беду, напустит темень, зальёт дождём, попадит грозой» [10, т. 1, с. 176–177]. О посмертном «страшном судилище Христовом» говорят многие герои романа «Ватага». Так, предводитель ватаги Степан Зыков обличает последователей официального православия: «Попы на вся загадили вашу дорожку в царство Божье. На том свете погибель вас ждёт». [9, с. 42]. Старообрядческие кормчие грозят самому Зыкову и его ватаге: «...загробное место ваше – геенна. В огонь вас, в смолу! К червям присноядущим и николи же сыту бывающим!» [Там же, с. 110]. О неотвратимости наказания говорит и подвергшийся пыткам священник: «Священник вскинул руку и, загрозив Зыкову перстом, крикнул: „Слово моё будет судить тебя, злодей, в день Судный!“» [Там же, с. 78].

В романе «Ватага» старообрядческий кормчий Варфоломей, отец предводителя ватаги Степана Зыкова, заранее готовит себя к кончине. В его келье «в углу стоит кедровая колода-гроб. На крышке черный восьмиконечный крест» [Там же, с. 35]. Об этом древнем обычае мы находим упоминания в житиях тверских святых. Про Арсения Тверского сказано, что «своими руками он вытесал себе здесь из белого камня гробницу, а из другого крышку к ней» [2, с. 55]. Готовил себя к переходу в мир иной и преподобный Нил Столобенский: «Преподобный подвизался на острове Столобном двадцать семь лет и прежде кончины своей ископал в земле (в часовне) своими руками место для погребения и поставил там гроб. Приходя туда на всякий день, он плакал над тем гробом, говоря себе: „Се покой мой, се жилище мое!“» [1, с. 237].

На творческую судьбу Вячеслава Шишкова наложились одно из самых трагических событий отечественной истории – братоубийственная гражданская война. Этому событию писатель посвятил два произведения: роман «Ватага» и повесть «Пейпус-озеро». Написанные в разной стилистике и на разном фактическом материале, повествующие о действиях, разнесенных огромными расстояниями, эти произведения, тем не менее, несут в себе одну общую идею: неприятие братоубийственной войны, раздора и вражды между русскими православными людьми. Эта идея полностью соответствует деяниям Арсения Тверского: «Вступив на архипастырский престол, святой Арсений более всего старался утвердить мир и согласие в своем духовном стаде, истребить мятеж» [2, с. 54]. В глазах

церкви одна из главных заслуг Арсения заключалась в его стремлении к примирению враждующих, прекращению раздоров и междуусобиц, о чем говорится в житии: «Любя мир, святой Арсений старался всегда примирять враждовавших. В то время часто происходили раздоры между князьями, и святитель всегда старался положить конец княжеским распрям. С Божией помощью ему удалось в 1403 году примирить тверского князя Иоанна Михайловича с братом его, Кашинским князем Василием Михайловичем, которого тверской князь обидел. Но спустя некоторое время вражда между князьями-братьями снова возгорелась. Тогда святитель, грозя страшным Божиим гневом и вечным осуждением, положил конец сей вражде в день праздника Животворящей Троицы 1406 года» [Там же, с. 56]. Характерно, что и в романе «Ватага», и в повести «Пейпус-озеро» слова осуждения гражданской войны произносят священнослужители. «Свершается реченное... Брат брата бьет...» [10, т. 2, с. 12], – вздыхает батюшка в «Пейпус-озере». «Наших мальцев Колчак воевать тянул, в солдаты. А с кем воевать-то, чью кровь-то лить, спрошу тебя? Свою же. Сие от диавола суть» [9, с. 50], – пытается остановить Зыкова кормчий старообрядцев Симеон. Позиция этих шишковских персонажей полностью совпадает с мыслями и делами Арсения Тверского, который ясно осознавал, что междуусобицы ослабляли Русское государство, делали его легкой добычей для иноземных захватчиков. Эта мысль явно выражена в повести Шишкова «Пейпус-озеро»: «И вот нам, русским, приказ: бей русских!.. – объясняет происходящее Павел Федосеич. – Зачем им нужно? Антанте-то? ... А вот зачем. Им необходимо нашу Русь ослабить. Уж если землетрясение, так толчок за толчком, без передыху, чтоб доконать, чтоб пух из России полетел» [10, т. 2, с. 25]. Об этом же говорит и прапорщик Ножов: «Германия себе добра желала, Франция с Англией себе. А об России они не думали» [Там же, с. 25].

Главный вывод, который можно сделать из сопоставления произведений древней тверской письменности и творчества Вячеслава Шишкова, на наш взгляд, заключается в том, что, не следуя буквально сюжетам, стилистике, жанровым канонам, свойственным средневековой литературе, писатель XX века решал те же самые проблемы, изображал те же самые характеры, выражал схожие мысли и чувства. Это свидетельствует о преемственности развития русской литературы и в то же время показывает, что внутренний мир человека, менталитет нации, и прежде всего в вопросах, связанных с православной верой, остаются неизменными на протяжении веков. Меняются литературные жанры, уходят в прошлое устаревшие формы, совершенствуются художественные приёмы, появляются новые художественные методы, однако главная суть литературы – сеять «разумное, доброе, вечное» – непреходяща.

Список литературы

1. Житие Преподобного Нила Столобенского, Новгородского чудотворца // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского (репринт). Киев : Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 2004. Т. IV. Месяц декабрь.
2. Житие святого отца нашего Арсения, епископа Тверского // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского : С доп., объясн. примеч. и изображениями св. (репринт). Печенга (Мурман. обл.): Трифонов Печенг. монастырь; Москва : Кн. дело, 2003. Кн. 7: Март. 750 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. Москва : Интелвак, 2002. 1600 с.
4. Лихачёв Д. С. Великое наследие. Москва : Современник, 1975. 367 с.
5. Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Ленинград : Худож. лит., 1971. 413 с.
6. Николаева С. Ю. Древнерусские памятники в литературном процессе (от Г. Р. Державина до Ю. П. Кузнецова): Монография. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2010. 252 с.
7. Памятники литературы Древней Твери / Вступит. ст., пер. и примеч. В. З. Исакова. Тверь : Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 2002. 278 с.
8. Редькин В. А. Вячеслав Шишков: новый взгляд: очерк творчества В. Я. Шишкова. Тверь : Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 1999. 151 с.
9. Шишков В. Я. Ватага // Шишков В. Я. Пейпус-озеро. Москва : Современник, 1985. С. 26–164.
10. Шишков В. Я. Собр. соч. в 8 т. Москва : Худож. лит., 1960–1962.

HAGIOGRAPHIC TRADITIONS IN THE WORKS OF VYACHESLAV SHISHKOV

A. S. Efremov

Tver State University, Tver

The historicism of the thinking of the Russian writer of the first half of the twentieth century, Vyacheslav Yakovlevich Shishkov, is manifested not only in the appeal to the past of his people, but also in the use of motives and themes characteristic of Old Russian bookishness. The article draws parallels between the hagiographic genre and its legacy in the writer's work. The emphasis is placed on the lives created on the Tver land - the birthplace of V. Ya. Shishkov. Comparative analysis shows that in Shishkov's works, many features of the image of the world and man, the confrontation of good and evil, characteristic of the hagiography, are preserved. Such motives as the preservation of the soul, God's judgment, conciliarity, and attitude to death are especially clearly manifested. It is concluded that, without following literally the plots, stylistics, genre canons peculiar to medieval literature, V. Ya. Shishkov solved the same

problems, portrayed the same characters, expressed similar thoughts and feelings. This testifies to the continuity of the development of Russian literature and at the same time shows that the inner world of a person, the mentality of the nation, and above all in matters related to the Orthodox faith, have remained unchanged for centuries.

Keywords: *Vyacheslav Shishkov, Tver literature, hagiographic genre, traditions, Christian motives.*

Об авторе:

ЕФРЕМОВ Арсений Сергеевич – аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: arseniyy.efremov@rambler.ru

About the author:

EFREMOV Arsenij Sergeevich – Postgraduate Student at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: arseniyy.efremov@rambler.ru.